

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М71

Jules Michelet
La sorcière

Перевод с французского *Владимира Фриче*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Мишле, Жюль.

М71 Ведьма / Жюль Мишле ; [перевод с французского В. Фриче]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

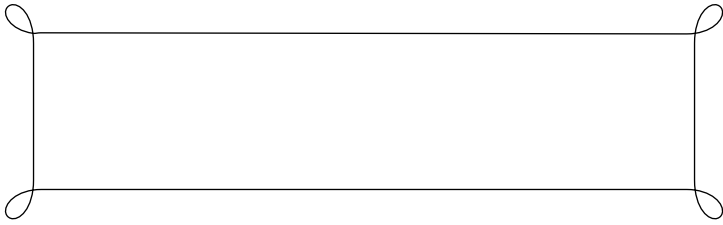
ISBN 978-5-04-206203-2

Жюль Мишле создал не только фундаментальные труды по истории Франции. Он увлекался философией, психологией, естественными науками и воплотил свои знания в книгах о природе, религии, отношениях между людьми, отличающихся своей оригинальностью. Мишле затронул в своих произведениях и суть женской природы — синтез божественного и греховного. Его восторженные и откровенные произведения о любви и браке — «Любовь» и «Женщина» — снискали большую популярность современников. «Ведьма» — увлекательное исследование о роли и месте женщины в эпоху Средневековья.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-206203-2

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ Г. СЕАЙЛЯ К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Характернейшей чертой Мишле как историка является чувство жизни. Все, что он воспринимает, становится в его душе жизнью, одухотворяется и очеловечивается. Жизнь же коренится — в любви. А любовь Мишле, страстная и трепещущая, подобная нетерпеливо расправляющимся к полету крыльям, не имеет ничего общего с отвлеченным мистицизмом, со смутными порывами, в себе самих находящими пищу, — нет, она вся — действие, вся — великодушие. Она не отрешает его от нашего мира, а связывает, сливает его с ним, разоблачает перед ним таинственное сходство явлений, позволяющее ему в разнообразии индивидуальных форм угадывать присутствие единой души... Для него нет ничего безмолвного, ничего мертвого. Философы говорят, что мир — это речь Бога. В хаосе фактов они стараются уловить изначальные идеи, которые повторяются и комбинируются в Его творении.

Мишле не расчленяет и не рассуждает. Он чувствует жизнь явлений, точно соприкасается с ними. Он получил в дар знание языка мира. Он не искажает его, а понимает и переводит для нас на наш язык. Он не отделяет себя от других существ, а, перевоплощаясь в них, распознает в своем собственном духе тайну их бытия.

В своей книге «Ведьма», вышедшей в 1862 г., Мишле в большей степени, чем в других своих трудах, применяет метод угадывания, воскрешения прошлого, доходя в этом отношении до крайности.

Он пишет не столько историю, сколько поэму о ведьме.

Читая «Молоты», «Кнуты», «Плети», все эти трактаты, в которых глупость соперничает с жестокостью, а судьи, духовные и светские, члены инквизиции и члены парламентов, стараются перещеголять друг друга в ярости и тупости, Мишле чувствует, как пробуждается в его сердце жалость, и он становится их жертвой. При свете костров он видит не истеричку, одураченную ее собственными грезами, бедную старуху, которую нищета и невзгоды довели до состояния полупомешанной, а загадочную сивиллу, своеобразную, величественную мученицу, которую необходимо поставить на принадлежащее ей место в длинном шествии тех, кто умер за благо человечества.

Желая объяснить происхождение и роль ведьмы, это сочетание величия и злобы, Мишле не становится собирателем анекдотов, а воплощает толпу проклятых женщин в идеальном, едином существе, которое он создает из глубины своей симпатии ко всем этим безвестным жертвам. Рожденное его фантазией, это дитя мечты и действительности не имеет от него секретов. Переносясь по ту сторону засвидетельствованных историей фактов, он старается отгадать ее сокровенные мысли, распутывает их нить, видит, как они последовательно зарождаются вплоть до того момента, когда отчаяние брошает ее к ногам Сатаны.

В лице ведьмы гений женщины обнаруживает свою глубокую интуицию: она вновь открывает природу, восстанавливает его в его правах; угадывая тесную и многообразную связь между духом и миром, она предвосхищает современную науку, кладет ее основание, изучая лекарства и яды, обладая даром непосредственного проникновения в сущность вещей... Оскорбленная, озлобленная, с сердцем, исполненным ненависти, она, однако, не в силах «вернуться к природе», «вступить на ровные пути жизни» просто и чисто, она возвращается к ним «обходными пу-

тями зла». Ее острая ненависть опрокидывает не только учение, но и культ католической церкви, создает великую драму шабаша, черную мессу. Подобно тому, как раньше Мишле создал образ ведьмы, приписав ей все те чувства, которые ему подсказывала разгоряченная сочувствием фантазия, так придумывает он потом целый народ одержимых, создает их из глубины своего негодования и кидает их на шабаш в порыве дерзновенного бунта против средневекового строя жизни.

Вместе с эпохой Ренессанса кончается роль ведьмы. Она перестает быть тем, чем была раньше, жрицей Сатаны, вестницей нового мира, она торгует своим искусством, унижает его, занимаясь темными делишками и продавая любовные чары. Последние ведьмы, беарнские ведьмы, превращают шабаш в своего рода ярмарку, в публичный бал, в дни карнавала. Сатана мелькает, уходит в монастырь. Здесь он довольствуется тем, что вселяется в монахинь-истеричек, с расстроенными чувствами и воображением, обвиняющих — основательно или нет, все равно — своих исповедников в том, что они их совращают, водят на шабаша, отдают во власть всех дьяволов и всех преступлений... Постепенно он испаряется, исчезает, и в 1672 г. реалист Кольбер заставляет его окончательно подать в отставку, запрещая вести процессы о колдовстве судьям, которые протестуют и негодуют.

Сатана кажется побежденным, однако его мнимое поражение равносильно истинной победе. Сатана, ведьмы, божество природы и свободного разума, теперь распространяется повсюду и вселяется в самые выдающиеся умы. Он забыл свою ненависть и свой гнев. Он уже больше не Дух Зла, он — Дух Истины, он тот, кто борется против заблуждений, он — наука, дарующая могущество и примирляющая человека с природой.

Книга Мишле обладает достоверностью не истории, а легенды или поэзии.

Если ее понимать в буквальном смысле, то легко впасть в ошибки. Если же ее понимать символически, то невольно поражаетесь той гениальной интуиции, с которой автор усматривает в вековечной борьбе против идеи падшей и извращенной природы поступательное движение все того же духа, который сначала омрачен всеми темными страстями, потом становится все яснее и светозарнее, пока, наконец, от прежнего его бунта остается лишь вновь завоеванная свобода и умиротворенный разум...

КНИГА ПЕРВАЯ

I. СМЕРТЬ БОГОВ

Некоторые писатели уверяют нас, что незадолго до победы христианства на берегах Эгейского моря слышался голос, говоривший: «Умер великий Пан».

Античное божество, разлитое во всей природе, скончалось. И радость была беспредельна. Люди воображали, что раз умерла природа, умерло и искушение. Наконец-то душа человека, так долго потрясаемая бурями, отдохнет.

В самом ли деле, однако, речь шла только о конце древнего культа, о его поражении, об исчезновении старых религиозных форм? Конечно, нет. Обращаясь к первым христианским памятникам, мы в каждой строчке читаем о надежде, что исчезнуть готова сама природа, что сама жизнь замирает, что наступают последние дни. Пробил час смерти для богов жизни, так долго укреплявших иллюзию. Все падает, рушится, поглощается пропастью. Все становится ничем.

Умер великий Пан.

* * *

В том, что боги должны умереть, не было ничего нового. Очень многие древние культы построены именно на идее смерти богов. Умирает Озирис, умирает Адонис, который, правда, вновь воскресает. Эсхил, драмы

которого разыгрывались только в дни праздников богов, предсказывает им с подмоетков устами Прометея, что настанет день и они умрут. Они умрут, побежденные и подчиненные титанам, древним силам природы.

Иное дело — первые христиане. Они проклинали самую природу, в ее частных проявлениях и в ее совокупности, ее прошлое и ее будущее. Они осуждали ее целиком, видели в ней воплощение зла, видели в цветке — демона. Пусть же рано или поздно явятся ангелы, которые некогда смели с лица земли города Мертвого моря. Пусть же они сложат, как покров, обманчивый образ мира и унесут его с собой, пусть освободят, наконец, святых от долголетнего искушения.

Евангелие гласит: «Прейдет день». Отцы церкви прибавляют: «Он близок». Крушение империи и нашествие варваров внушают блаженному Августину надежду, что скоро из всех городов уцелеет один Град Божий. И однако, как не хочется умирать этому миру, как цепко он хватается за жизнь. Как Иезекиия, он просит отсрочки, еще одного дня. Пусть! Отсрочка дана до тысячного года. Потом ни одного дня больше.

* * *

Правда ли — как часто повторяли, — что древние боги сами устали жить, что они умерли от скуки, что, разочарованные, они почти сами подали в отставку и что христианству было достаточно дунуть на эти пустые фантомы, чтобы они исчезли.

Этих богов показывают в Риме, их показывают на Капитолии, куда их принjali, впрочем, лишь после предварительной смерти, то есть после того, как они отказались от присущих им местных растительных соков, отреклись от родины, перестали быть гениями — представителями своих наций. Прежде чем принять их,

Рим совершил над ними суровую операцию, лишил их нервов и здорового цвета. В своей официальной жизни эти великие боги стали жалкими чиновниками Римской империи. Однако падение аристократии Олимпа не повлекло с собой толпу туземных богов, чернь богов, все еще владевших безбрежными полями, лесами, горами, источниками, живших в тесном единении с жизнью каждой местности. Живя под корою дубов, в глубоких и стремительных ручейках, эти боги не могли быть изгнаны оттуда.

И кто это говорит! Церковь! Она грубо противоречит себе. Провозгласив их смерть, она негодует на их жизнь. Каждое столетие грозным голосом своих соборов она предписывает им умереть.

Они, стало быть, живы?!

Они — демоны! — стало быть, они живы. Не в силах что-нибудь сделать, церковь предоставляет наивному народу одевать их, перенаряжать. Посредством легенды народ дает им крещение, навязывает их самой церкви. Но обращены ли они? Нет еще! То и дело оказывается, что тайком они сохраняют свою языческую природу.

Где они? В пустыне, в степи, в лесу! В особенности же в домах. Они прячутся в самых укромных местах домашней жизни. Женщина хранит их и скрывает среди утвари, даже в постели. Они завоевали себе лучшее место в мире — лучшее, чем храм, — очаг.

* * *

Никогда еще не бывало такой насильственной революции, как та, которую совершил Феодосий. Древность не знала подобной проскрипции всякого культа. Поклонявшийся огню перс мог в героической чистоте своей религии оскорбить видимых богов, но он позволял им существовать. Он был весьма расположен к евреям, покровительствовал им, пользовался их услугами. Дочь

света Греция смеялась над сумрачными богами, над пузатыми Кабирами и, однако, терпела их, приняла в качестве рабочих и сделала из них своего бога Вулкана. Величественный Рим открыл двери своих храмов не только для Этрурии, но и для деревенских богов старого италийского землепашца. И если он преследовал друидов, то только потому, что видел в них опасный оплот национального движения.

Победоносное христианство хотело и думало убить врага. Оно смело с лица земли школу, поднимая гонение на логику, уничтожая философов, которые были истреблены при Валенте. Оно снесло и опустошило храм, разбило символы. Новая религия могла бы благоприятствовать семье. Но этот плодоносный путь был сначала оставлен во имя честолюбивого преклонения перед возвышенной бесплодной чистотой.

Христианство предпочло вступить на путь отшельничества, предоставляя миру идти своей дорогой, и законы императоров тщетно боролись против безбрачия. По этой наклонной плоскости христианство ринулось в лице монашества.

В самом ли деле, однако, пустынный — одинок? Нет. Его спутником был дьявол со всеми его искушениями. Ему предстояло богатое поле деятельности. Он должен был вновь создать целые общества, целые города пустынных. Кто не слышал об этих черных монашеских городах, возникавших в Феваиде. Кто не слышал о том диком, беспокойном духе, который их воодушевлял, об убийственных набегах монахов на Александрию. Монахи утверждали, что в них вселился демон, что он толкает их, и они не гнали.

Огромная пустота воцарилась в мире. Кто заполнит ее? Христиане отвечают: демон, везде демон.

Подобно всем народам, Греция имела также своих энергуменов, своих одержимых и беснующихся. Но это совершенно внешнее сходство. Здесь речь идет не

о каких-нибудь духах. То мрачные сыны ада, идеалы извращенности. Везде бродят теперь эти несчастные меланхолики, которые ненавидят себя, боятся себя. Подумайте в самом деле, что значит чувствовать в себе двойника, верить в существование того «другого», этого жестокого гостя, который прогуливается в вас, заставляет вас скитаться по пустыням, около пропастей. Человек худеет и слабеет с каждым днем. И чем слабее становится несчастное тело, тем более мучает его дьявол. В особенности в женщину вселяется он, раздувает ее тело, наполняет ее адской аурой, производит в ней ураганы и бури, забавляется ею, как заблагорассудится, заставляет ее грешить и доводит до отчаяния.

И не только человек: вся природа — одержима. Если дьявол живет в цветке, то тем более в мрачном лесе. Свет дня, казавшийся таким чистым, населен детьми ночи. Небо стало адом! Какое кощунство! Прекрасная утренняя звезда, возвышенное мерцание которой так часто освещало Сократа, Архимеда и Платона, что случилось с ней? Она превратилась в дьявола, в великого дьявола Люцифера. А вечером дьявол Венера вводит человека в искушение своим мягким и нежным сиянием.

Нет ничего удивительного, что ужас и бешенство охватили это общество. Возмущенное своей слабостью, лицом к лицу с демонами, оно преследует их повсюду, сначала в храмах, у алтарей старого культа, потом в образе языческих мучеников. Нет больше места празднествам: они могут быть идолопоклонническими собраниями. Даже семья находится под подозрением: по старой привычке она может собираться вокруг древних лар. Да и к чему семья! Империя — царство монахов.

Однако человек, одинокий и немой, продолжает смотреть на небо, и в звездах он вновь находит и почитает своих древних богов. «В этом виноват голод и все бичи империи!» — говорит император Феодосий —

страшные слова, которые натравят на безобидного язычника слепое бешенство массы. Закон слепо восстанавливает всеобщую ярость против закона.

Древние боги, идите в могилу! Боги любви, жизни, света, померкните. Наденьте монашескую рясу! Девы — станьте монахинями. Жены, оставьте ваших мужей, а если вы останетесь дома, будьте для них по крайней мере холодными сестрами.

Но возможно ли все это? У кого такое мощное дыхание, чтобы сразу потушить пылающую лампаду Бога. Подобная дерзкая попытка преступного благочестия могла бы создать странные чудовищные чудеса... Виновные, трепещите!

Несколько раз в течение Средних веков возродится мрачная история коринфской невесты. Она была рассказана давно вольноотпущенником Адриана, Флегонтом, и мы ее находим вновь в XII, потом в XVI в., как тяжкий упрек, как несокрушимую ссылку природы на свои права.

* * *

Молодой афинянин отправляется в Коринф к отцу своей невесты. Он остался язычником и не знал, что семья, в которую он собирался вступить, приняла христианство. Он приехал поздно вечером. Все уже легли за исключением матери, которая приносит ему ужин и желает покойной ночи. Он падает от утомления. Не успел он задремать, как в комнату входит девушка, в белой вуали, а на лбу — черная с золотом повязка. Она видит его и, пораженная, поднимая свою белую руку, говорит: «Ужели я уже настолько чужая здесь в доме! Бедная затворница! Но мне стыдно, и я ухожу! Спи!» — «Останься, прекрасная дева, вот дары Цереры, Вакха, а с тобой пришел и Амур. Не бойся! Не будь такой бледной...» — «Не прикасайся, юноша. Я не принадлежу больше радости. В силу обета моей больной

матери юность и жизнь погибли навеки. Боги ушли. И единственные жертвы — то жертвы людьми!» — «Так это ты, моя дорогая невеста, предназначенная мне с детства. Клятва наших родителей соединила нас навсегда, и небо нас благословило. О дева, будь моей!» — «Нет, нет, мой друг. Не я! Ты возьмешь мою младшую сестру. Когда я буду вздыхать в своей холодной темнице, ты в ее объятиях думай обо мне, обо мне, которая терзается и думает только о тебе, которую снова покроет прах». — «Клянусь этим светочем! Факелом Гименея! Ты поедешь со мной к моему отцу! Останься, милая!»

И он предлагает ей как свадебный дар золотую чашу. Она дает ему свою цепь, предпочитая взять вместо чаши прядь его волос.

Час призраков! Бледными устами пьет она темное вино цвета крови. Он жадно пьет вслед за ней. Он призывает бога любви. С разрывающимся сердцем она все же не сдается. В отчаянии он бросается на кровать, и слезы льются из его глаз. Она бросается рядом с ним. «Твое горе причиняет мне страдания! Но если ты прикоснешься ко мне, что за ужас: белая как снег и холодная как лед — увы! — такова твоя невеста». — «Я согрею тебя! Иди в мои объятия. Когда ты покинешь могилу...» Вздохи, поцелуи!

«Ты чувствуешь, как я вся горю!»

Любовь соединяет их в тесных объятиях. Слезы смешиваются с наслаждением. Возбужденная, она пьет огонь с его уст. Застывшая кровь воспламеняется любовным безумием, но сердце не бьется в ее груди.

Мать была неподалеку и слушала. Нежные клятвы, крики, жалобы и сладострастия... Чу! То петух пропел. До завтра! Ночью! Потом прощанье и поцелуй за поцелуем. Возмущенная мать входит. Что видит она? Дочь свою. Он прячет ее под одеялом. Но она высвобождается и растет до самого потолка. «О мать, мать! Ты завидуешь моей ночи любви, ты гонишь меня с этого теплого ме-

ста. Не довольно ли было, что ты укутала меня саваном и опустила в могилу. Чья-то сильная рука сдвинула камень. Тщетно пели над могилой вполголоса ваши попы. Что могут сделать соль и вода, когда кипит юная кровь. Земля не может потушить любви. Вы соединили нас, и я пришла за тем, который мне принадлежит... Увы! Мой друг, ты должен умереть. Ты зачахнешь, и жизнь уйдет из тебя. У меня есть твои волосы. Завтра они поседеют. Мать, последняя просьба. Открой мою мрачную темницу, зажгите костер и да найдет любящая покой в огне... Пусть сверкают искры, и пусть багровеет зола.

Мы поднимемся к нашим древним богам».

II. ПРИЧИНЫ ОТЧАЯНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЛЮДЕЙ

«Будьте как новорожденные дети; будьте маленькими, будьте юными, невинными сердцем, миролюбивыми, ясными, чуждыми споров под скипетром Иисуса» — таков тот кроткий совет, который церковь давала на второй день после великой катастрофы этому бурному миру. Это значило другими словами: «Вулканы, развалины, пепел и лава, покройте зеленью. Сожженные поля, оденьтесь в цветы».

Одно обстоятельство, по-видимому, предвещало возобновляющийся мир. Все школы были уничтожены, путь логики покинут. Бесконечно простой метод освобождал всех от необходимости рассуждать, давал всем возможность идти по наклону. Если символ веры был темен, то жизнь целиком шла по тропинке легенды. Первое и последнее слово гласило: подражание.

«Подражайте, и все пойдет хорошо. Повторяйте и списывайте». Но это ли путь истинного детства, оживляющий сердце человека, приводящий его к свежим и плодотворным источникам? В этом мире, который

разыгрывает роль юного дитяти, я нахожу на первых порах только признаки старости, изощренность, рабское подчинение, бессилие.

Что представляет собой эта литература в сравнении с великими памятниками греков и евреев, даже в сравнении с гением римлян? Это не более чем такой же упадок, который имел место в Индии в эпоху, когда буддизм сменился брахманизмом. Глупое пустословие заняло место истинного вдохновения. Книжки копируют книжки, церкви — церкви, и люди в конце концов уже не могут даже копировать. Они грабят друг друга. Мрамом похищенным в Равенне, украшают собор в Экс ля Шапелле. И таково все это общество.

Епископ, король города, варвар, король племени, копируют римских магистратов. Наши монахи, которых считали такими оригинальными, на самом деле в своих монастырях просто копируют виллу (как правильно заметил Шатобриан). Они нисколько не думают ни о том, чтобы оплодотворить старое. Подражая монахам Востока, они хотели бы, чтобы их слуги были такими же монахами-землепашцами, таким же бесплодным народом. И если семья и мир продолжают существовать, то только — несмотря на них.

Когда видишь, как быстро старились эти старцы, как в продолжение какого-нибудь столетия на смену мудрому святому Бенедикту является педант Бенедикт Анианский, то убеждаешься в том, что эти люди были ни при чем в деле великого народного творения, расцветавшего на развалинах. Я говорю о житиях святых. Монахи, правда, записывали их, создавал же их — народ. Пусть эта молодая растительность распространяет свои листья и цветы по трещинам превращенной в монастырь старой римской развалины, не из нее она произрастает. Ее корни покоятся глубоко в почве. Народ их посадил, семья за ними ухаживала руками всех — мужчин, женщин и детей. Жалкая и беспокойная жизнь делала в эти времена торжествующего насилия склонными к фантастике

эти бедные племена, и они верили в реальность своих собственных грез, которые внушали им уверенность. Странные грезы, богатые чудесами, нелепыми и вместе с тем восхитительными безумствами.

Эти семейства, изолированные в лесу или в горах (как это еще теперь встречается в Тироле или в Альпах), спускавшиеся раз в неделю в долину, подвергались в своем уединении галлюцинациям. Ребенок видел то-то, то-то пригрезилось женщине. Появлялся новый святой. Вправленная в грубые рифмы история блуждала по деревням подобно жалобной песне.

Ее распевали, и под ее звуки плясали по вечерам вокруг дуба около источника. Священник, приходивший в воскресенье служить в деревенской часовне, находил легенду-песнь уже у всех на устах и говорил себе: «Как-никак, история очень мила, назидательна. Она делает честь церкви. Глас народа, глас Божий. Где нашли они ее?» Ему показывали свидетелей, правдивых и неопровержимых, дерево, камень, видевших видение, чудо. Что ответить на это?

Занесенная в аббатство легенда найдет монаха, ни к чему не годного, умеющего только писать, любознательного, верящего всему, во все чудеса. Он запишет и ее, разукрасит своей плоской риторикой, испортит немного. Но вот она записана, освящена, ее читают в рефектории, читают вскоре и в церкви. Переписанная, разукрашенная, перегруженная порой гротескным орнаментом, она переживет столетия, пока в конце концов не займет почетного места в Золотой легенде.

* * *

Когда теперь еще читаешь эти прекрасные рассказы, когда прислушиваешься к простым, наивным и серьезным мелодиям, в которые деревенское население вложило все свое юное сердце, то чувствуешь в них веяние мощного духа и невольно растрогаешься, думая об их участи.